

§ 8. Конфликтологический ракурс межэтнического сообщества города

Этнические (межэтнические) конфликты принадлежат к числу тех проблем, ради недопущения или преодоления которых в конечном счете и ведутся многие мониторинговые исследования. Перспективы таких конфликтов вынуждают создавать нормативные документы и новые управленческие структуры в сфере межнациональных (межэтнических) отношений, перераспределять и усиливать ответственность разных ветвей и уровней власти.

Между тем если общая управленческая и исследовательская активность, направленная на профилирование и предупреждение межэтнических конфликтов, налицо, то теоретический задел для диагностики и анализа напряжений и конфликтов в данной области, разработка технологичной работы с ситуациями конфликтов на разных уровнях и в разных сферах существенно от нее отстает. В России за последние десятилетия сложилось несколько центров, где межэтнический конфликт является предметом регулярных исследований. Серьезный вклад в изучение этнического конфликта внесли В. А. Авксентьев, А. Р. Аклаев, А. В. Дмитриев, Л. М. Дробижева, А. Г. Здравомыслов, Е. И. Степанов, В. А. Тишков и др.

Общий взгляд на проблемное поле российских исследований конфликта показывает, что долгое время основной вектор исследований был направлен на изучение этнических конфликтов в так называемых «горячих точках», концентрировавшихся в автономных национальных республиках и смежных с ними территориях, исторических территориях компактного проживания отдельных этнических групп. В отношении этносоциальной ситуации городов и регионов внимание уделялось скорее проблемам диагностики межэтнической напряженности. Лишь в последнее десятилетие под влиянием усиливающихся миграционных потоков, резонансных событий на Манежной площади (2010) и в Западном Бирюлево (2013) проблематика предупреждения и сопровождения межэтнического конфликта стала частью проблематики исследований российских городов, местных сообществ, социальных сетей и т. д.

Но и сегодня открытыми, слабо исследованными остаются вопросы, связанные с пониманием особенностей развертывания и трансформации межэтнических конфликтов в полиэтничных сообществах, механизмов мобилизации в этнический конфликт, специфики протекания конфликтов адаптации. Сохраняет актуальность разработка инвариантных моделей

анализа конфликта, маркированного как этнический для уровня местных и городских сообществ и структурных моделей управления ими. Требуется дальнейшая систематизация наработанных подходов к этническому конфликту с учетом того, что сегодня есть широкий спектр предметных сфер, где идет осмысление данного явления. Это этносоциология и этнополитология, этнология, социальная антропология, правоведение, этнопсихология, психология конфликта, отчасти и урбанистика.

Указанные дисциплины вносят свой вклад в понимание существенных характеристик этнического конфликта, но только одна из них ставит конфликт в центр исследования, организуя вокруг него все иные компоненты научного знания. Речь идет о конфликтологии и конфликтологическом взгляде на межэтнические сообщества города.

Конфликтолог исходит из возможности конфликта и его «естественности», но не неизбежности возникновения в ситуациях, когда актуализируются противоречия, которыми наполнены и городская среда, и городское сообщество. При этом он учитывает, что возникающие конфликты могут конструироваться под влиянием значительной группы внеэтнических факторов, и само их возникновение сильно зависит от прочитывания, идентификации ситуации и как конфликтной, как этнически маркированной или, в определении Р. Брубейкера, фреймированной. Широта проблематики и форм проявления этнических конфликтов задается тем, что, как и другие, они могут носить характер конструктивных и деструктивных; реалистичных (являясь средством достижения результата, на который нацелены участники) и нереалистичных (стать способом выброса эмоций), а также содержать в себе характеристики всех вышеперечисленных типов. Но главное состоит в том, что конфликтологический взгляд на городское сообщество как среду и субъектов конфликта предполагает в перспективе возможность управлять им.

Используя категорию «управление конфликтом», будем опираться на его наиболее широкое определение как любое осознанное действие в ответ на протекание конфликта, понимая под ним манипуляции, направленные на причину конфликта, а также любое воздействие на конфликт в целях изменения его в целом или в частных проявлениях¹. Сама по себе возможность управления конфликтом является базовым принципом в конфликтологии. Субъектом управленческого воздействия могут выступать как субъекты конфликта, так и третья сторона. Но когда

¹ Зайцев А. К. Социальный конфликт. 2-е изд. М.: Academia, 2001. С. 167.

речь идет о профессиональном управлении конфликтом, то оно непременно включает два компонента: диагностику конфликта и управленческое воздействие на конфликт. В зависимости от целей субъекта управления, остроты конфликта и влияющих факторов его можно профилировать, предупреждать, манифестировать, стимулировать или трансформировать, заморозить, разрешить или урегулировать.

Когда же речь идет о конфликтах, которые сторонами или субъектом управления определяются как этнические, межэтнические, этнически маркированные, то диапазон избираемых стратегий не меняется, но их выбор должен становится более ответственным. Этого требуют высокие риски и угрозы, которые несут в себе деструктивные межэтнические конфликты в силу способности вовлекать в свою орбиту самые разные фрагменты социальной реальности, далекие от этнических отношений (например, классовые, экономические, экологические, политические), а также «осваивать» предметы и объекты других типов конфликтов¹. К факторам, способствующим сложности работы с такими конфликтами, можно отнести качественное разнообразие условий и проявлений, уровень вовлеченности, в том числе и эмоциональной, которую демонстрируют его участники.

В силу этого управление конфликтом в этносоциальном контексте требует целого комплекса многоаспектных действий, но их содержание и порядок во многом зависят от того, как был прочитан исследователями, субъектами управления тот или иной конфликт, и от того, в рамках какого или каких теоретических подходов формировалось его понимание. Теоретические модели этнических конфликтов не просто возможны, они необходимы для эффективного прогнозирования их динамики и поиска выхода из них.

И здесь конфликтологический взгляд на этнический конфликт имеет перспективы: мобилизуя знания и методы из социологии, психологии, политологии, антропологии, этнологии, правоведения, менеджмента, урбанистики, кросскультурных исследований, он способствует разработке междисциплинарных теоретических моделей и практикоориентированных методов работы с ним.

Не претендуя на системность и целостность их изложения, остановимся на тех из них, которые нам видятся перспективными для диагностики, анализа и управления этническими конфликтами в городских условиях.

¹ Авксентьев В. А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 44.

В первом приближении можно выделить следующие подходы к управлению конфликтом, а также комплекс используемых ими методов в зависимости от выделения конфликтов как имеющих преимущественно поведенческий и институциональный характер (хотя понятно, что каждый из них содержит в себе элементы того и другого).

Поведенческий подход используется скорее на микроуровне социальных отношений, его объектом являются стратегии и действия индивидов и объединений. Именно на него часто опираются эксперты, выделяя поведенческие маркеры напряженности и конфликтности.

Применяя этот подход, важно помнить, что поведенческие реакции субъектов в конфликте определяются его восприятием ситуации, которая, в свою очередь, определяется целой совокупностью факторов внеэтнического характера. Между представлениями о перспективах возникновения и развития, а также толкованиями произошедших конфликтов и реальными конфликтными ситуациями, как это часто бывает, слишком большая разница. Сами конфликты, маркируемые и интерпретируемые как межэтнические, могут носить реалистичный и нереалистичный характер (Л. Козер). Даже сами поведенческие реакции субъекта в конфликте определяются комплексом обстоятельств: особенностями его этнокультурной идентификации, социальным статусом и позицией, занимаемой в городском сообществе, степенью включенности в организации или объединения этнического / националистического характера, его причастностью к проблеме, являющейся источником конфликта; ролью, которую субъект играет (играл) в конфликте; устойчивостью его позиции, установок; влиянием на него других заинтересованных субъектов, личностных качеств (темперамента, тревожности, интеллектуального уровня, психического здоровья) и т. д.

Таким образом, чтобы разобраться в конфликтах с участием представителей разных национальностей, а также понять, как они влияют на жизнь города, необходимо рассмотреть различные точки зрения тех, кто является / являлся участниками или как-то влияет / влиял на конфликт, и тех, кто наблюдает / наблюдал или что-либо о нем слышал.

Рассмотрим отдельно такие важные для понимания конфликта субъективные составляющие, как восприятие, интерпретация и оценка с учетом этнокультурного дискурса. Восприятие в конфликте отличается сложностью стимула, которым вызывается сам конфликт / конфликтная ситуация. Его результатом как процесса является перцептивный образ. Соответственно субъективные (перцептивные) образы конфликтной си-

туации имеют значительные отличия у каждой из конфликтующих сторон. Не случайно с конца 1960-х гг. восприятие в конфликтной ситуации становится самостоятельным предметом исследования. Можно предположить, что чем сильнее конфликт, тем сильнее отличаются образы, тем больше они искажены по отношению к реальности. Поскольку созданные субъективные образы воспринимаются каждой стороной как реальные, то в соответствии с теоремой Томаса они и конструируют конфликтную ситуацию или ее продолжение. Образ конфликтной ситуации может возникать как у самих участников, так и у тех, кто находится вне ситуации. Опять очевидно, что образы, возникающие внутри и вне ситуации, могут существенно отличаться. При этом, скорее всего, для тех, кто находится вне ее, они будут более совпадать с реальностью. С учетом этнического дискурса конфликтная ситуация участниками будет восприниматься через призму этнокультурной картины мира: смыслов, ценностей, традиций, паттернов поведения. Именно они определяют, что и как правильно, а что и как – неправильно. Проблема нормативности поведения – одна из основных в разворачивании конфликтной ситуации. Если поведение в конфликте выходит за рамки целерационального и носит хотя бы оттенок традиционного поведения, возникает проблема сначала его понимания, а затем – восприятия. Другими словами, обе (или одна) стороны сначала осознают, что им не понятно поведение другого, и только после этого запускается перцептивный процесс, создающий целостный образ самой конфликтной ситуации и другого субъекта / субъектов (противной стороны) как «чужого» по достаточно ярким признакам, имеющим антропологический и этнокультурный характер.

Выделяется целый ряд факторов, которые усиливают искажение восприятия конфликтной ситуации. В первую очередь это высокий уровень негативных эмоций и стресс, возникающий в процессе взаимодействия (может быть, просто деятельности, предшествующей или даже не относящейся к конфликту). Этнокультурный дискурс может, в свою очередь, усилить эти факторы. Так, возникшее исторически неприятие между этническими группами формирует социально-психологические установки, поддерживающие негативные эмоции в конфликтной ситуации. Провоцирующий характер начинают приобретать национальный язык (разговор, фразы, слова, употребляемые на родном языке в ситуации), внешний вид (ярко выраженные антропологические особенности, этническая одежда), ритуалы (начиная с приветствий), обряды, традиции.

Существенным фактором усиления искажения восприятия ситуации выступает низкий уровень информированности о самой ситуации, об участниках и этнической культуре противной стороны. Низкий уровень информированности может быть результатом увеличения миграционных потоков, отсутствия эффективной информационной политики в многоэтническом городе, замкнутости этнических групп, проживания в таунах и этнических микрорайонах. Информационное многокультурное (многоэтническое) пространство формируется постепенно и обеспечивает постоянные связи между представителями различных этнических групп. Эффект «вавилонской башни» работает только до того момента, пока не создаются более или менее постоянные коммуникативные межэтнические механизмы и сети.

Внешние пространственные и физические факторы, связанные с повышением уровня агрессии, также оказывают влияние на искажение восприятия: наличие большой плотности населения на территории и в помещении (например, толпа), повышение температуры; дискомфорт, связанный с наличием некошерных продуктов и харамом. В целом устроенность быта, составляющего существенную часть повседневной жизни, отвечает за удовлетворенность жизнью и косвенно влияет на восприятие конфликтных ситуаций. Так, механизмы социального сравнения и группового нарциссизма запускаются в этом случае намного быстрее.

Таким образом, значимость повседневности для человека делает конфликты в повседневности также значимыми, по каким бы незначительным поводам они ни происходили. Если повседневный конфликт перерастает в межэтнический, он имеет риск перестать быть повседневным. Такие конфликты могут быть отнесены к отдельной категории. Конфликтная ситуация точно так же может восприниматься сначала как повседневная, а затем выходить за рамки повседневности.

При анализе межэтнических конфликтов и напряженности в межэтнических отношениях важно учитывать, что их восприятие, интерпретация и оценка представителями разных этнических групп будут отличаться ровно настолько, насколько отличаются этнические культуры и насколько образ жизни каждого конкретного человека зависит от этих этнических культур. В связи с этим важно понимать, что чем дольше представители разных этнических культур живут на одной территории и взаимодействуют, тем меньше разница в восприятии, интерпретации и оценке ситуации. Одним из факторов их сближения выступает совместное существование в повседневности: двор, детские сады и школы на территории, ма-

газины, поликлиники. Поэтому на территории, где проживают представители разных этнических групп, прокладываются одни и те же маршруты, проигрываются типичные повседневные ситуации и формируются социальные связи, конструирующие повседневность.

В целом говоря о поведенческом подходе, следует сделать вывод, что, будучи перспективным для первичной оценки состояния напряженности и конфликтности на уровне межличностных отношений и в микрогруппах, он является ограниченным для понимания текущих межэтнических отношений на уровне сообществ, в локальных территориях и в больших группах.

Для понимания скрытых процессов, влияющих на характер взаимодействия индивидов и групп в организациях или локализованных сообществах, для осмысления конфликтологических нюансов и проблем применительно к крупным поселениям или регионам требуется обратиться к институциональному уровню анализа и управления конфликтом.

Институциональный подход к анализу этнического конфликта может использоваться для их осмысления в широком диапазоне – от микро- до макроуровней, поскольку предполагает анализ отношений через структуры, нормы и правила, регулирующие поведение людей и сообществ. Важными объектами анализа, по мнению его основоположника Р. Дарендорфа, выступают группы, обладающие изначально воображаемыми, а по мере нарастания противоречий – осознаваемыми интересами и ресурсами, а предметами – доступ и распределение формальной власти (авторитета) как производной от сформировавшихся статусных иерархий. Поэтому этноинституциональные конфликты всегда предполагают структурирование конкурирующих или противоборствующих групп, отказ обеих или одной из них от установленных ранее правил игры.

Соответственно и признаками перспективы этнического конфликта в городе могут быть институциональные изменения в городской среде, которые создают условия для формирования конфликтных групп. Опираясь на типологию условий для возникновения конфликта Р. Дарендорфа, выделим важнейшие: технические условия (социально- и территориально-пространственное структурирование групп, уточнение или изменений норм, наличие хартий, материальных ресурсов), социальные (характер конструируемой идентичности, жесткость границ «свои» – «другие», прочность связей внутри групп, обеспечивающих возможность мобилизации в конфликт), политические (допуск к ресурсам, которыми располагают формальные структуры власти и этнические группы).

Отчасти противоречие субъективного и объективного в конфликте преодолевает конструкционистский подход. Одним из его ярких современных представителей является Р. Брубейкер. Он ставит под сомнение субъектность этнических групп, рассматривая их как квазиестественные, и заменяет их категорией «группизм», под которым понимает «тенденцию рассматривать дискретные, ограниченные группы как базовые составляющие социальной жизни, как главных действующих лиц социальных конфликтов и как основные единицы социального анализа»¹. С его точки зрения, группизм – это событие, это то, что случается, но может и не произойти. «Высокая степень групповости может не кристаллизироваться вопреки “группо-творческим” усилиям дельцов от этнополитики и даже в ситуациях напряженного этнополитического конфликта на уровне элиты»².

Считая, что при анализе этнического конфликта исследователям свойственно чрезмерно этницистское видение социального мира, которое отодвигает на задний план его социальные, экономические и политические источники, Р. Брубейкер определяет его как этнизированный или этнически фреймированный конфликт. Главными деятелями большинства этнических конфликтов, а тем более с элементом этнического насилия, являются не этнические группы как таковые, а разного рода организации в широком смысле этого слова и их уполномоченные и облеченные властью представители. В числе таких организаций государства (или шире – автономные политические образования) и их организационные составляющие, такие как отдельные министерства, канцелярии, агентства по обеспечению применения законов и части вооруженных сил; террористические группы, военизированные организации, вооруженные банды и свободно структурированные шайки; политические партии, этнические ассоциации, организационные структуры общественных движений, церкви, газеты, радио и телевизионные станции и т. д.³

Указанные субъекты конфликта готовы заявлять, что выступают от имени этнических групп. В ходе конфликта они способны не только фреймировать конфликт, но и включиться в общественную борьбу за возможность назвать, интерпретировать и объяснить его (интерпретативное фреймирование). По мнению Р. Брубейкера, навязывание ярлыка

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2012. С. 23.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 37.

или господствующего объяснительного фрейма – толчок к оценке события как «погрома», «бунта» или «восстания» – представляет собой не просто внешнюю интерпретацию, но конститутивный и зачастую имеющий важные последствия акт социального определения¹. Поэтому, прогнозируя возможность конфликтов и анализируя текущие, необходимо уделять внимание анализу господствующих интерпретативных фреймов, особенно легитимных, способных кодировать этнический характер конфликта, в то время как они могли кодироваться иначе.

Несмотря на то что большинство исследователей фокусируется или на поведенческих, или на институциональных уровнях исследования этнического конфликта, они в своем видении одновременно опираются и на разные концепты, вокруг которых строят теоретические модели этнического конфликта, а также конкретную работу с ним.

Концептом, на основе которого появилась одна из наиболее известных и в определенном смысле перспективных моделей диагностики и работы с конфликтом стал концепт «потребности». Его разработчики, последователи теории человеческих потребностей (ТЧП), утверждают, что действия человека определяются его потребностями, которые присущи всем. Эти действия могут быть рационализированы и разрешаться через поиск общего, присущего субъектам конфликта. Следовательно, диагностика этнического конфликта может быть осуществлена через регулярный анализ «неустрашимых» потребностей, определяющих интересы и права сторон. К примеру, один из разработчиков ТЧП Р. Фишер считал важнейшими потребностями и правами человека право на достоинство, уважение, безопасность и место «под солнцем» как в физическом, так и в психологическом смысле, то есть в удовлетворении потребностей в идентичности, участии и адекватном контроле над своей собственной судьбой². Наиболее фундаментальной Р. Фишер, наряду с О. Надлером, считал именно идентичность. Он отмечал, что потребность в идентичности больше детерминируется природой социальной структуры, чем мотивацией и способностями конкретных действующих лиц³.

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. С. 40.

² Фишер Р. Теория потребностей, идентичность и эклектичная модель конфликта // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований / под общ. ред. Е.Ю. Садовской и И.Ю. Чупрыниной. Алматы, 2002. Т.3. С. 219–220.

³ Там же. С. 221.

Исходя из этого теория человеческих потребностей для прогнозирования этнического конфликта обосновывает необходимость анализа факторов, характеризующих те или иные аспекты идентичности, безопасности и участия. К ним относятся: наличие и форсированность объединений этнического характера, широта членства, характер их позиционирования в информационном пространстве города, в том числе и по отношению к другим группам, и наличие признаков этноцентричной дискриминации между группами. Последнее особенно важно, поскольку, с точки зрения сторонников ТЧП, именно недостаток идентичности и власти у группы меньшинства заканчивается анклавизацией и даже появлением гетто при условии, что группы остаются разделенными социально и территориально.

Важен анализ факторов, проявляющих себя и на поведенческом уровне: возможность и интенсивность межличностных взаимодействий, величина социальной дистанции и распределение статусов. Значимым является и вопрос о том, носит ли структура задач и взаимодействий на уровне групп и сообществ, в том числе и территориальных, кооперативный характер. Сторонники этого подхода указывают на необходимость в городе и его локальных сообществах расширения межгрупповых контактов, в том числе через формирование проектов совместных действий, ориентированных на повышение безопасности и автономии коренных жителей и на уменьшение предубежденности и неосведомленности некоренных и коренных жителей друг о друге. Это необходимо для повышения уверенности в своей группе, а также для удовлетворения потребности в безопасности.

Подход, основанный на анализе интересов и потребностей, показал свою перспективность в работе с межгрупповыми конфликтами низкой интенсивности, где возможна и желательна артикуляция сторонами прямо или через посредников значимых интересов сторон. Важен он и для работы с конфликтами высокой интенсивности, где присутствует недоверие, неадекватная коммуникация и, возможно, в лучшем случае арбитражное давление. Здесь подход позволяет диагностировать фрустрируемые базовые потребности, а также осознавать и ослаблять их со стороны субъектов давления – носителей власти.

Еще одним важным и системообразующим концептом, позволяющим осуществить вхождение в конфликт не столько через общее, сколько через учет разнообразия, является концепт «культура», также востребованный в рамках феноменологических подходов к анализу этнического кон-

фликта. Он исходит из того, что конфликт как вид взаимодействия возможен только в контексте той или иной культуры. Следовательно, культура должна быть неотъемлемым элементом при анализе любого конфликта. Особое значение ее учет приобретает при анализе этнического конфликта. В свою очередь, надо иметь в виду, что этничность является не единственным, но фундаментальным фактором, влияющим на формирование культурных моделей, транслируемых индивидом и группой.

По мнению антрополога М. Ле Барон, культура оперирует на уровне культурных символов, отражая то, как стороны воспринимают друг друга, и одновременно формируя это восприятие. Исходя из этого в условиях этнического конфликта культура выполняет ряд функций:

1) выступает своеобразными (культурными) «линзами», через которые субъекты взаимодействуют, часто не замечая их, пока не нарушены принятые по умолчанию поведенческие нормы и ценности; в этом случае их осознание сторонами может содействовать усилению взаимопонимания и коррекции поведения сторон в условиях конфликта;

2) представляет собой среду, в которой формируются и передаются ценности и модели поведения участников конфликта (в частности, формируются предубеждения), в то же время эта среда под воздействием внешних факторов может меняться;

3) определяет и отражает то, как формируется символическая идентичность в условиях конфликта¹.

Диагностика этнического конфликта в социокультурном контексте особенно перспективна, когда речь идет о конфликтах, возникающих в ходе процессов инкультурации. Для прогнозирования таких конфликтов важна оценка проблем и препятствий, которые в данном процессе возникают на институциональном уровне. По мнению Дж. Берри, этнический конфликт возможен в случае неконгруэнтности выбранных стратегий аккультурации: интеграционной и ассимиляционной на уровне политики и в повседневном поведении между доминирующим обществом и прибывающими группами. Он возникает, когда в обществе декларируется интеграционная стратегия, предполагающая познание новой культуры в комбинации с ограниченным «отбрасыванием» своей культуры (маргинализация); активизируются стратегии, допускающие низкий уровень познания новой культуры и полное «отбрасывание» свой культуры (сепарация).

¹ Ле Барон М. Трансформация межкультурных конфликтов в наше сложное время // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра / отв. ред.: В. Тишков, М. Устинова. М. 2007. С. 250.

Это происходит, поскольку обе эти стратегии подразумевают сопротивление доминирующему обществу или его отрицание¹.

Не случайно в рамках интеграционных стратегий особую важность приобретает конкуренция между группами по поводу установления правил игры в деле национального строительства. Характеристика «этнические» есть ярлык для тех групп, которым не удастся достичь определенного уровня развития, установленного доминирующей группой, и которым отказано в том, чтобы иметь место в национальных устремлениях правящей элиты, отрицающей собственную этничность². Перспективы конфликта оцениваются через наличие / отсутствие этнолидеров, старейшин, антрепренеров, их способность содействовать интеграции или противостоять ей, развивать или отклонять общие нормы «этноповедения».

Большую важность для понимания этнического конфликта имеет и концепт *идентичность*, широко используемый в разных подходах, хотя и в различающих контекстах. Общими идентифицирующими основаниями этнического сообщества, по мнению Б. Брубейкера, могут выступать межличностная коммуникация, поддерживающая этническую целостность, образ и историческое бытие, территория, язык, конфессия, социальные институты и бытовая культура, общая историческая память и территория, а в узком смысле – вмещающий ландшафт в совокупности с традиционным образом существования в нем сообщества³.

Поскольку идентичность имеет множество хорошо усвоенных элементов, которые выходят за рамки осознанного понимания, то, по мнению М. Ле Барон, угроза идентичности, ее символическому и смысловому уровню вынуждает индивидов занимать оборонительную позицию или затрудняет преодоление конфликта. Важным механизмом, способствующим этому, выступает ужесточение границ между группами в ситуации роста напряженности в отношениях между сторонами. На стадии острого конфликта этнические границы становятся непроницаемыми,

¹ Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы / пер. с англ. И. Шолохова // Развитие личности. 2001. №3–4. С. 183–193.

² Williams B. F., Class A. Act: Anthropology and the Race across Ethnic Terrain // Annual Review of Anthropology. 1989. Vol. 18(3). P. 426 (цит. по: Брубейкер Р. Этничность без групп. С. 155.).

³ Брубейкер Р. Этничность без групп. С. 155.

что приводит к формированию эффекта, который К. Джовитт назвал «баррикадными идентичностями»¹.

По мнению М. Ле Барон, поскольку конфликт во многом связан с попытками осмыслить мир, то и любые трансформативные действия в конфликте и вмешательство в него должны затрагивать те уровни, на которых происходит осмысление². Однако поскольку этот процесс идет долго и подспудно, то прямые вопросы субъектам конфликта, заданные в ходе диагностики ситуации, не позволят оценить ситуацию. На поведенческом уровне необходим поиск вторичных, косвенный маркеров, которые свидетельствуют о состоянии восприятия другого и наличии трансформативных процессов в их изменении.

С точки зрения Дж. Ледерах и М. Ле Барон, к таковым могут относиться метафоры, используемые субъектами переговоров. Этот подход близок к логике нарративного анализа конфликтных диалогов, которые используют в практике нарративной медиации Дж. Уинслейд и Дж. Монк³. Используемые субъектами метафоры и повторяемая аргументация позволят понять, на каких дискурсивных основаниях построено обращение и какие интересы и ценности субъекты преследуют. Например, метафоры, используемые местным населением окраинных микрорайонов с высокой плотностью инокультурного населения (*они обязаны*), свидетельствуют о двух дискурсах восприятия приехавших, через которые местные жители оценивают их присутствие и активность: дискурс справедливости в распределении социальных ресурсов и дискурс безопасности (примером может служить описание ситуации, когда представители народов Средней Азии выходят из мечети: «...эта большая группа людей, около 40 человек на остановке стояла, я просто мимо проезжал и подумал “Не дай бог моя дочь оказалась бы в это время на этой остановке”; самое страшное, когда они идут напропалую»). Именно через них, а не через перспективы межкультурного сотрудничества, эстетическую привлекательность, права на удовлетворение религиозных нужд местные жители будут оценивать возможность открытия на своей территории этнических культурных центров. При этом анализ

¹ Jowitt K. Ethnicity: Nice, nasty, and nihilistic // Chirot D. and M. E. P. Seligman, eds. *Ethnopolitical War-fare: causes, consequences, and possible solutions*. Washington, DC: American Psychological Association, 2001.

² Ле Барон М. Трансформация межкультурных конфликтов. С. 257.

³ Уинслейд Дж., Монк Дж. Нарративная медиация: Новый подход к разрешению конфликтов. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2009.

метафор позволяет понять, что если в основе справедливости для многих местных жителей лежит принцип заслуг (*«заработали», «...живем всю жизнь и не можем получить, а она тут приехала, и на тебе все наши льготы, все наши пособия!»*), *«...вот приехали, и все выплатили. На готовое, то есть получили все...»*), то для многих чиновников и специалистов социальной сферы, как и приехавших, принцип равенства (*«тоже имеем право по закону»*) и принцип необходимости (*«что делать, у них пять детей»*; *«люди торгуют с лотка, они завозят сюда ящичками. Из хорошей жизни? Они без разрешения, без ничего. Пыль, грязь, машины, приезжают какие-то скинхеды, унижают, сотрудники там, другие люди»*). Несовпадение дискурсивных оснований взаимодействий не позволяет сторонам понять друг друга, допустить право каждой стороны на признание значимости своих ценностей и удовлетворения потребностей.

Не случайно инструментами преодоления проблем являются совместные действия. Они должны базироваться на символических представлениях участников, культуре совместности (*«третья культура»*) как результат совместного опыта и иметь институциональные структурные основания в обществе.

Мониторинг перспектив напряжений и этнических конфликтов не может быть осуществлен и вне еще одного важного концепта – *насилие*. Чаще всего насилие рассматривается как маркер горячего конфликта, хотя теория рационального выбора и близкие к ней теоретические подходы исходят из рациональности, а не иррациональности или эмоциональности насилия, из наличия структурных, институциональных условий, его продуцирующих и поддерживающих. Однако присутствие насилия в конфликте может быть напрямую не связано ни с масштабами конфликтования, ни с его интенсивностью. Не случайно Р. Дарендорф ввел еще одну переменную конфликта *«насильственность»*. Под ней он подразумевал средства, которые выбирают конфликтующие стороны, чтобы осуществить свои интересы.

Механизмы насильственности, в представлении Р. Дарендорфа, последовательно располагаются между двумя полюсами. Один полюс – ненасильственные действия: беседа, дискуссия, переговоры в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией. Другой полюс насильственности: война, гражданская война, вооруженная борьба с угрозой для жизни участников. Между ними забастовка, конкуренция,

ожесточенно проходящие дебаты, драка, попытка взаимного обмана, угроза, ультиматум и так далее.

Эту мысль разделяет Б. Брубейкер: «Мы не располагаем серьезными данными, которые подтверждали бы, что более высокие уровни насилия в конфликтных ситуациях (оцениваемые независимо от насилия) приводят к более высоким уровням насилия. Даже там, где насилие явно коренится в предсущствующем конфликте, оно не должно рассматриваться как “естественный”, самообъясняющий результат такого конфликта... Насилие не является количественной степенью конфликта, оно – качественная форма конфликта, имеющая собственную динамику»¹. При этом этническое кодирование и фреймирование, считал он, ведет к увеличению этнического насилия, а поиск повсюду признаков этничности может привести к умножению случаев этнического насилия.

Поэтому, разрабатывая показатели для мониторинга межэтнической ситуации, необходимо учитывать, что границы этнически маркированных (фреймированных) проявлений насилия не соответствуют границам этнического конфликта, а его рутинизированные, институционализированные формы могут осуществляться и во внеконфликтном пространстве меж- и внутриэтнических отношений в качестве группового контроля. Следовательно, факты насилия служат маркерами проявления не всех форм горячего этнического конфликта. Кроме того, анализируя практики, Б. Брубейкер отмечает, что вероятность насилия будет возрастать или по мере ослабления организованного протеста на излете мобилизации², или по мере коллапса центральной власти и роста анархии. В первом случае насилие будет осуществляться отколовшимися группировками как единственный способ подрывной деятельности. Во втором случае точечные проявления насилия будут использоваться группами, склонными рассматривать этническую мобилизацию друг друга как угрозу, упреждение, что в совокупности приведет к раскручиванию мобилизационной спирали и более масштабному насилию.

Еще одной группой факторов, способных влиять на характер и уровень насильственности этнического конфликта, являются факторы внутридиаспоральные (в частности, конкуренция между статусными группами за влияние в диаспоре). Одной из ее форм, с точки зрения Б. Брубейкера, является этническая перекупка. Ее он понимает как конкуренцию между несколькими партиями, идентифицирующими себя

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. С. 173.

² Там же. С. 183.

с одной и той же этнической группой, за поддержку избирателей. Чаше всего эта конкуренция также предполагает эксплуатацию состояния идентичности, ужесточения ее границ, то есть самопрезентацию себя как партии более бескомпромиссной, чем другие, в национальных вопросах. Усиление конкуренции эскалирует внутриэтнические напряжения и конфликты и может порождать насилие. Возможность такого вектора развития внутридиаспоральной конкуренции требует в идеале мониторинга динамики внутридиаспоральных отношений, мониторинга политической и общественной активности этнически маркированных структур, претендующих на репрезентацию интересов этнического сообщества или некоторых его микрорегиональных социальных групп.

Выделение этнически маркированных общественных и политических структур и их анализ представляется значимым и в контексте управления конфликтом, поскольку, как отметил Б. Брубейкер, «практически любой межэтнический конфликт надындивидуального уровня имеет перспективу стать политическим, поскольку для его регулирования требуются политические решения» в рамках правового поля.

В постмодернистской социологии наблюдается тенденция к расширению рамок понимания причинности городского этнического конфликта, интерпретации его как специфического проявления глобального в локальном. Рассматривая город как «свалку проблем, имеющих глобальные корни», З. Бауман, солидаризируясь с М. Кастельсом, указывает на этнический конфликт как форму локального проявления глобальных противоречий. Источники напряжений в межнациональных отношениях – дефицитарность ресурсов и обеднение населения в условиях нарастания санкций и кризиса.

Будучи органической частью современного города и проявляясь через конкретные, «жизненные» явления, этничность и этническая конфликтность стала предметом исследования и урбанистов. Один из контекстов, в котором они исследуются, касается пространственного распределения властных отношений и прав, в том числе и права на город, манифестированных А. Лефевром еще в конце 1960-х гг. Право на город может реализовываться через радикальные политические проекты и повседневность.

Отталкиваясь от этой идеи, источники напряжений и конфликтов в сфере межэтнических отношений в современном российском городе необходимо искать в социальной депривации местного и прибывающего населения, а также в их возможности влиять на ситуацию.

Многие исследователи, имеющие практику участия в конфликто-регулировании, сходятся во мнении, что требуется аналитическая модель, которую можно применить к качественно разнообразным конфликтным ситуациям.

В этой связи важно заметить, что в последние годы наблюдается тенденция аккумуляции мониторинговой информации за конфликтными процессами в сфере публичного, включая сферу межэтнических отношений на уровне федерального центра. Унификация поступающей информации на таком уровне безусловно расширяет перспективы целостного анализа конфликтных процессов, открывает возможности осуществления как текущего, так и стратегического мониторинга на макроуровне, но ставит под вопрос эффективность осуществления в таком варианте мониторинга оперативного, кризисного характера, особенно в ситуациях, когда формирование конфликта носит латентный характер и не содержит в себе признаков эпизодического проявления насилия и экстремизма.

Поэтому организация федеральной сети сохраняет перед органами управления муниципального и регионального уровня задачу получения информации качественного характера об источниках напряжений, скрытых и открытых конфликтных процессах, происходящих на подведомственной территории. Такая информация должна дополнять базовые показатели, помогать на ранней стадии выделять нарастающие противоречия, работать с ними не только на этапе кристаллизации и манифестирования, но существенно раньше – на стадии осознания субъектами потенциального конфликта, скрытых противоречий, их актуализации. Именно такой подход имеет потенциал успешного поиска адекватных инструментов и ресурсов, способствующих ослаблению текущих процессов по рассматриваемому конфликтогенному сценарию или их трансформации в позитивные тенденции.